

От разрозненности к синергии: роль «Группы двадцати» в управлении ЦУР, изменением климата и цифровизацией¹

Дж. Киртон, Б. Уоррен

Киртон Джон Джеймс – профессор, содиректор Исследовательской группы БРИКС, содиректор Группы исследований «двадцатки» Университета Торонто (Канада); Canada, Ontario, Toronto, M5S 1A1, St. George, 100; E-mail: john.kirton@utoronto.ca

Уоррен Бриттани – директор по анализу политики и ведущий исследователь по вопросам изменения климата Исследовательской группы «Группы двадцати», Исследовательской группы «Группы семи» и Исследовательской группы БРИКС в Тринити-колледже Университета Торонто (Канада); Canada, Ontario, Toronto, M5S 3K7, Devonshire Place, 1, Room 308N; E-mail: b.warren@mail.utoronto.ca

Насколько хорошо и почему саммиты «Группы двадцати» продвигали меры в отношении Целей в области устойчивого развития (ЦУР) Повестки дня на период до 2030 г., изменения климата и цифровизации и их синергию? Ответ на этот важный вопрос дает системный анализ управления ЦУР, изменением климата и цифровизацией со стороны «двадцатки», который позволяет оценить амбициозность и целесообразность действий в рамках каждой из сфер, а также синергетические связи между ними. Оценивается управление «двадцатки» в области ЦУР и устойчивого развития, а затем изменения климата и цифровизации по основным параметрам, а также то, как эти результаты изменились и как менялась степень синергии с принятием ЦУР в 2015 г. и началом кризиса COVID-19 в 2020 г. Последний продемонстрировал необходимость предотвращения глобальных экологических кризисов и стимулировал цифровизацию экономики, общества и здравоохранения. Тем не менее управление со стороны «Группы двадцати» в значительной степени осталось разрозненным, и она мало что сделала для использования цифровой революции с целью решения проблемы изменения климата и достижения ЦУР. Это подчеркивает необходимость для лидеров «двадцатки» налаживать связи между сферами на будущих саммитах, интегрируя ЦУР и мобилизуя возможности цифровой революции и действий по борьбе с изменением климата для будущего здоровья и благополучия.

Ключевые слова: G20; ЦУР; изменение климата; цифровизация; синергия

Для цитирования: Киртон Дж., Уоррен Б. (2021). От разрозненности к синергии: роль «Группы двадцати» в управлении ЦУР, изменением климата и цифровизацией // Вестник международных организаций. Т. 16. № 2. С. 20–54 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-03

¹ Kirton J., Warren B. From Silos to Synergies: G20 Governance of the SDGs, Climate Change & Digitalization.

Статья поступила в редакцию в феврале 2021 г. Перевод статьи выполнен с согласия авторов А.В. Шелеповым, к.э.н., с.н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

Введение

Вызов

В сентябре 2015 г. мировые лидеры собрались на площадке ООН, чтобы одобрить историческую Повестку дня на период до 2030 г. и ее 17 Целей в области устойчивого развития (ЦУР). Когда они вновь собрались в том же месте в сентябре 2019 г., чтобы оценить прогресс с учетом приближения второго триместра для достижения ЦУР, были зафиксированы некоторые успехи. В первую очередь речь идет о ЦУР 1 по искоренению бедности и ЦУР 9 по промышленности, инновациям и инфраструктуре, а также о странах Восточной и Южной Азии и государствах с низким и средним уровнем доходов [Steiner, 2020] (приложение А). Однако также был зафиксирован медленный прогресс или даже негативная динамика показателей по ЦУР 2 «Искоренение голода» и ЦУР 15 «Жизнь на суще».

Чтобы ускорить прогресс, Саудовская Аравия 1 декабря 2019 г. объявила о ЦУР как одном из приоритетов своего председательства в «Группе двадцати» в 2020 г. Кроме того, центральное место в его повестке было отведено окружающей среде и изменению климата. Повестка также включила важнейший инструмент цифровизации, тему, которая в последние годы все более активно обсуждалась «двойцаткой» [Kirton, Warren, 2018].

Затем в 2020 г. разразилась пандемия COVID-19. За тридцать недель она свела на нет тридцать лет процесса развития. Вводимые в связи с COVID-19 локдауны принесли небольшие краткосрочные выгоды с точки зрения экологических ЦУР (с 12-й по 15-ю). Но они оказались ниже негативного влияния на ЦУР в области борьбы с бедностью и голodom, здравоохранения, образования, гендерного равенства, достойной работы, экономического роста и сокращения неравенства. В целом пандемия COVID-19 значительно ухудшила перспективы достижения ЦУР к 2030 г. К моменту саммита «двойцатки» в Эр-Рияде 20–21 ноября 2020 г. COVID-19 сокрушил ЦУР 17, а не наоборот. Пандемия также привела к тому, что здравоохранение и непосредственные экономические и социальные последствия COVID-19 стали основным приоритетом, обсуждавшимся лидерами «Группы двадцати» в Эр-Рияде и на первом в истории экстренном саммите, который они провели в онлайн-формате 26 марта 2020 г. В последнем случае тема COVID-19 полностью вытеснила меры по борьбе с изменением климата, несмотря на их неразрывную связь. Более того, лишь 30% действий в рамках пакетов экономических стимулов стран «двойцатки», одобренных и дополненных на саммите, были связаны с экологически чистым («зеленым») восстановлением [Climate Transparency, 2020].

Могут ли самые влиятельные лидеры системно значимых стран мира на своих саммитах вернуть процесс достижения ЦУР в нужное русло, одновременно справляясь с продолжающимся кризисом COVID-19, изменением климата и экономическим спадом? Для этого они должны задействовать важнейший инструмент – цифровизацию. Соответствующие аспекты практически отсутствовали в ЦУР в 2015 г. Но COVID-19 резко вывел их на центральное место в жизни, работе, политике, управлении и обсуждении политиков во всем мире. Лидеры «двойцатки» также должны использовать всю мощь цифровизации, чтобы помочь контролировать текущий экзистенциальный кризис изменения климата, которое в своих многочисленных аспектах стало центральным элементом всей системы ЦУР 2015 г. Это требует учета собственного растущего углеродного следа цифровых технологий и несправедливого цифрового разрыва.

Дискуссия

Насколько успешно и почему саммиты «двадцатки» продвигали ЦУР во взаимосвязи с изменением климата и цифровизацией, и как добиться больших успехов в будущем? Эти ключевые вопросы вызвали дискуссию между четырьмя основными научными школами.

Первая школа говорит о продолжающемся провале «двадцатки». В [Kharas et al., 2018, р. 31] подчеркиваются «существенные недостатки в подходе стран – членов “Группы двадцати” к определению реализации и мониторингу действий» в отношении Повестки дня на период до 2030 г. на национальном и международном уровне, а также возникшая в результате потребность в коллективном отчете крупнейших экономик мира и плане действий «двадцатки» по реализации Повестки дня на период до 2030 г., в том числе по экологическим ЦУР.

Ордоньес и соавторы [Ordonez et al., 2018, р. 39] рассматривают исполнение членами «двадцатки» своих обязательств по всему спектру ЦУР. Они утверждают, что для выполнения обязательств высокого уровня, принятых на саммитах «Группы двадцати» в 2016 и 2017 гг., «двадцатка» «должна выйти за рамки секторального определения конкретных политик в области ЦУР и сосредоточиться на... сохранении согласованности между социальными, экономическими и экологическими аспектами развития». Это можно сделать через обеспечение координации Рабочей группы по развитию с другими направлениями работы «двадцатки».

В работе [Bollrich, Steinhilder, 2020] утверждается, что цифровая трансформация и изменение окружающей среды заставляют переоценить отношения между экономикой и обществом, требуя синергии более широкого масштаба, чем в настоящее время обеспечивают институты глобального управления. Они одобряют рекомендацию Целевой группы «Экспертной двадцатки» (T20) по Повестке дня на период до 2030 г. о совместной работе по финансированию ЦУР и финансовому регулированию, однако выступают за опору на государственные, а не на частные финансовые институты, которые были в центре внимания «двадцатки» с ее первых саммитов. Люстиг [2018] подчеркивает, что этот сдвиг должен помочь защитить бедных.

Вторая школа отмечает отсутствие прогрессивной динамики – от первоначального всплеска до последующего падения. В работе [Bauer et al., 2020] утверждается, что «Группа двадцати», представляющая 80% мировой экономики и ее выбросов парниковых газов, обеспечила решительный прогресс по ЦУР и контролю за изменением климата на своих саммитах в 2015 и 2016 гг. на фоне договоренностей по этим вопросам на саммитах ООН в сентябре и декабре соответственно. Но затем результаты деятельности «двадцатки» ухудшились из-за прихода к власти скептически настроенных новых лидеров в США и Бразилии, роста популистских и националистических настроений в странах-членах и низкой приверженности соответствующей Повестке председательствующей в 2018 г. страны. Чтобы улучшить динамику, представители второй школы рекомендовали сосредоточиться на синергетических действиях, которые способствуют достижению как ЦУР, так и целей в области борьбы с изменением климата, обеспечить партнерство с негосударственными и субгосударственными субъектами, преодолеть разрозненность в деятельности рабочих групп «двадцатки» и стимулировать работу целевых групп T20 над синергетическими, а не специализированными рекомендациями. Мы разделяем эту позицию [Kirton, Warren, 2021].

Т. Фюс [Fues, 2017], анализируя саммит 2017 г. в Гамбурге, утверждает, что, «опираясь на предшествующее председательство Китая в “двадцатке”, Берлин также подчеркивает ключевое значение Целей в области устойчивого развития для универсаль-

ных политических рамок и призывает к особым усилиям в отношении Африки. Однако еще предстоит увидеть, сможет ли Германия достичь чего-нибудь значимого...» из-за прихода Д. Трампа на пост президента США и роста популярности правых популистов и ограниченного фискального пространства в Германии, несмотря на решительность А. Меркель в качестве хозяйки саммита.

Представители третьей школы отмечают повышение синергетических показателей и потенциала саммитов «двадцатки». Дж. Киртон [Kirton, 2020, р. 18] утверждает, что саммиты «Группы двадцати» не спешили решать в полной мере глобальные проблемы здравоохранения, изменения климата и цифровизации. Но под влиянием COVID-19 «Группа двадцати» преуспела в подготовке саммита в Эр-Рияде 2020 г. и могла бы сделать больше, в частности, «проводя каждый сентябрь на площадке ООН второй ежегодный саммит, посвященный целям устойчивого развития».

А. Штайнер [Steiner, 2020], признавая серьезный регресс, вызванный пандемией COVID-19 в 2020 г., утверждает, что «Группа двадцати» может и будет «катализатором» синергетического возобновления процесса реализации ЦУР благодаря своей огромной доминирующей доли в 80% глобального ВВП, поддерживающему повестку саммита ООН в сентябре 2020 г. и настоятельной необходимости противостоять беспрецедентным шокам, вызванным кризисом COVID-19 в 2020 г.

Четвертая школа фиксирует устойчивый успех по всем 17 ЦУР. С. Добсон [Dobson, 2020] утверждает, что саммиты «двадцатки» продемонстрировали высокие результаты в формулировке положений коммюнике по вопросам развития и обязательств лидеров, а также их исполнении. Лидеры могут увеличить уровень исполнения, взяв на себя более жесткие обязательства, путем «конкретных ссылок на Повестку дня на период до 2030 г. и ее ЦУР» и их увязки с вопросами изменением климата.

Нерешенные вопросы

Эти школы оставляют несколько нерешенных вопросов для тех, кто стремится понять и улучшить изначально синергетические идеалы глобального управления в реализации ЦУР и «Группе двадцати». Во-первых, они преуменьшают значение цифровизации, которая практически отсутствовала как аспект ЦУР в 2015 г., но стала доминировать в жизни в 2020 г. и продолжит в последующий период. Во-вторых, они часто упускают из виду тот факт, что ЦУР были намеренно разработаны как единое целое, при этом судьба каждой цели зависит от судьбы других и от прямого вклада всех развитых и развивающихся стран и государств с формирующими рынками. В-третьих, они не подчеркивают уникальную ценность саммитов «двадцатки», которая заключается в способности ее лидеров управлять всеми сферами одновременно на самом высоком уровне, принимая действия, которые могут максимизировать сопутствующие выгоды для всех. В-четвертых, немногие сосредотачиваются на важнейшем для глобального управления измерении исполнения членами «двадцатки» обязательств, принимаемых лидерами на саммитах, причинах и улучшении тех или иных уровней исполнения, а также на том, как лидеры могут использовать синергию между наиболее тесно связанными вопросами для обеспечения большего уровня исполнения и выработки обязательств, в которых они нуждаются. Резюмируя, синергия, а не разрозненность – это решение научных и политических вопросов, связанных с тем, как «Группа двадцати» может обеспечить достижение ЦУР, реализуя управление в области борьбы с изменением климата и цифровизации как единое целое.

Это исследование призвано помочь решить эти вопросы, впервые предлагая системный анализ того, как «двадцатка» управляла и могла бы синергетически осуществлять

влять управление в области ЦУР, борьбы с изменением климата и цифровизации на благо всех.

Тезис

В данном исследовании утверждается, что управление «двадцатки» в сферах ЦУР, климата и цифровизации отличается низкой степенью синергии, но лидеры могут добиться гораздо большего, чтобы лучше исполнять свои обязательства для всеобщего блага. Положения коммюнике лидеров «Группы двадцати» по ЦУР, соответствующие обязательства и их исполнение впервые были зафиксированы только в Анталье в ноябре 2015 г. Их показатели достигли пиковых значений в Гамбурге в 2017 г. и резко упали до нуля на экстренном саммите, организованном в Саудовской Аравии 26 марта 2020 г., а на очередном саммите в Эр-Рияде 20–21 ноября 2020 г. оказались чуть выше нуля. Деятельность в области изменения климата началась намного раньше, в Вашингтоне в 2008 г. Соответствующие показатели довольно устойчиво росли, достигнув значительного уровня в Гамбурге, но затем резко снизились до нуля 26 марта и чуть более высоких уровней 21–22 ноября 2020 г. Деятельность по цифровизации имела нерегулярный характер в период с 2008 по 2014 г. Показатели резко выросли до значительных уровней в Ханчжоу в 2016 г. и в Гамбурге в 2017 г., а затем снизились практически до нуля 26 марта и 21–22 ноября 2020 г.

В рамках этих очень похожих траекторий синергия между тремя сферами всегда была незначительной и слабой, без устойчивой постоянной связи. Эта тенденция сохранилась даже после 2015 г., когда ЦУР и управление ими со стороны «Группы двадцати» дополнили предыдущие действия «двадцатки» в области борьбы с изменением климата. Отсутствие трехсторонней синергии продолжалось и после 2016 г., когда активная деятельность «двадцатки» в сфере цифровизации предоставила лидерам гораздо больше возможностей для формирования связей между тремя областями. Но даже тогда обязательства «Группы двадцати» никогда не создавали синергетической связи между всеми ними. И даже разрозненные сферы более активно обсуждались только в 2017 и 2019 гг., а в 2020 г. соответствующие показатели снизились, поскольку были вытеснены обсуждением вопросов, связанных с COVID-19.

Поскольку синергия, воплощенная в обязательствах лидеров, действительно повышает уровень их исполнения странами-членами, лидеры «двадцатки» могут и должны перейти от разрозненности к синергии на будущих саммитах ради всеобщего блага. Им также следует в качестве основной меры разумно использовать другие проверенные инструменты, которыми они обладают, чтобы улучшить показатели исполнения обязательств по всем трем сферам. Приоритеты Италии как страны, председательствующей в «двадцатке» в 2021 г., являются с этой точки зрения многообещающими. Дополнительные стимулы связаны с новым президентом США, приверженным борьбе с изменением климата, а также проведением долго откладываемого климатического саммита ООН 1–22 ноября, сразу после окончания римского саммита «Группы двадцати».

Структура

Чтобы развить этот аргумент, в данном исследовании сначала описываются тесные связи между устойчивым развитием, изменением климата и цифровизацией в материальном мире и системе глобального управления, а также уникальная ответственность и способность саммитов «двадцатки» извлекать сопутствующие синергетические выгоды. Затем рассматриваются результаты и обязательства саммитов по ЦУР, исполнение

их странами «девятнадцатки», связи с вопросами климата и цифровизации, содержащиеся в этих обязательствах, и влияние синергии на исполнение. После этого аналогичный анализ проводится для сферы изменения климата и ее связей с ЦУР и цифровизацией, затем – для цифровизации и ее связей с ЦУР и изменением климата. На следующем шаге исследуется, как осуществлялось управление этими тремя сферами и их синергией на последних саммитах «Группы девятнадцати» в 2020 г. Статья завершается рассмотрением того, как синергия повышала и может повысить в будущем уровень исполнения обязательств в контексте других стимулов и действующих мер в отношении подотчетности лидеров.

Синергия устойчивого развития, борьбы с изменением климата и цифровизации

Устойчивое развитие, изменение климата и цифровизация неразрывно связаны в материальном мире, но они не были включены в структуру глобального управления.

В материальном мире изменение климата и его хронические последствия, такие как повышение температуры и уровня моря, а также экстремальные погодные явления (ливни, наводнения, цунами, ураганы, лесные пожары и засуха) наносят больше вреда и приводят к смерти большего числа граждан в развивающихся странах, чем в развитом мире, представители которого во многом вызвали эти проблемы. Более того, развитие не может быть устойчивым без быстрого и существенного изменения тенденции ускоряющегося роста концентрации парниковых газов и температуры, а также утраты биоразнообразия, усугубляемой изменением климата. Цифровизация неразрывно связана как с устойчивым развитием, так и с изменением климата. Даже на фоне того, как цифровизация становится центральным элементом развития в его экономических и социальных аспектах, а теперь и в сфере здравоохранения, почти половина населения мира из-за нищеты не имеет доступа к интернету, тем более надежным, доступным и безопасным способом. Цифровизация все больше связана с изменением климата из-за стремительного роста спроса на электроэнергию, по-прежнему вырабатываемую в основном за счет ископаемого топлива, а также из-за ее вклада в мониторинг сложной климатической системы Земли и лесов, которые служат поглотителями углерода, и посадку деревьев взамен погибших от пожаров, жары и засухи.

Тем не менее в политическом мире глобального управления устойчивое развитие, изменение климата и цифровизация остаются в значительной степени не связанными друг с другом. В сентябре 2015 г. на саммите ООН была принята Повестка дня на период до 2030 г., включающая 17 Целей в области устойчивого развития, включая цель, посвященную контролю за изменением климата, и несколько сопутствующих и непосредственно поддерживающих ее целей по жизни на суше и в океане, водной среде и энергетике. Но принятая задолго до цифровой революции, которая была вызвана связанными с COVID-19 локдаунами 2020 г., она не включила цель непосредственно по вопросам цифровизации. Более того, с 2015 г. саммиты ООН, посвященные отдельным темам, ни разу не были сосредоточены на цифровизации и не стимулировали создание необходимого глобального управления цифровизацией нового поколения. С 2016 г. только ежегодные саммиты «девятнадцатки» с их всеобъемлющим мандатом все в большей степени одновременно регулировали вопросы устойчивого развития, изменения климата и цифровизации. Таким образом, важно подробно изучить, как это происходило и насколько «девятнадцатка» смогла наладить синергетические связи между тремя рассматриваемыми сферами.

Для этого в данном исследовании отслеживаются результаты саммитов «Группы двадцати» по каждой из трех сфер с использованием проверенных методов изучения глобального управления в целом. Первый из них использует в качестве материала итоговые документы, которые лидеры «двадцатки» принимают на своих саммитах, а также их количественный контент-анализ и интерпретационный текстовый анализ их содержания. Второй – это системный анализ исполнения отдельными странами «двадцатки» каждого из своих приоритетных обязательств в области развития, климата и цифровизации в период между саммитом, на котором они были приняты, и следующим саммитом. Исполнение каждым членом каждого обязательства оценивается как «-1» (или 0%) – при отсутствии исполнения или действия, противоречащего обязательству; «0» (или 50%) – при частичном исполнении, и «+1» (или 100%) – в случае полного исполнения [Kirton, Larionova, 2018]. Исполнение включает действия правительств членов «двадцатки» по реализации, что не равно достигнутым результатам. Однако без коллективных обязательств лидеров и их последующего исполнения таких быстрых реальных результатов невозможно достичь. Более того, в отношении повторяющихся обязательств «Группы двадцати», имеющих решающее значение для ЦУР и борьбы с изменением климата, например, по поэтапному отказу от субсидий наскопаемое топливо, ведущие мировые многосторонние организации предлагают множество весьма достоверных оценок, свидетельствующих о положительных результатах, к которым могут привести соответствующие действия правительств [IISD, 2019].

Третий метод – это специализированные интервью с лидерами, их личными представителями и другими официальными лицами «двадцатки», взятые из базы, которая на сегодняшний день насчитывает более 200 позиций [Kirton, 2013; Kirton, Kokotsis, 2015]. Представители власти и более широкий круг заинтересованных сторон членов «двадцатки» также получают возможность анализировать оценки исполнения обязательств, подготавливаемые каждый год.

Управление «Группы двадцати» в сфере ЦУР

Заключения, обязательства и исполнение

Саммиты «двадцатки» не сделали ничего для укрепления или даже признания Повестки дня на период до 2030 г. или ее ЦУР до их презентации на саммите ООН в сентябре 2015 г. (приложения Б, В, Г). Два месяца спустя на саммите в Антальи «Группа двадцати» вслед за ООН начала уделять существенное и растущее внимание ЦУР. На саммите в Гамбурге 7–8 июля 2017 г. «двадцатка» уделила теме ЦУР максимум внимания: 4138 слов (или 12% своего коммюнике). Затем внимание к теме снизилось на саммите в Буэнос-Айресе в 2018 г., но показатель вновь вырос до 819 слов (12% от общего числа) на саммите в Осаке 28–29 июня 2019 г. Затем он упал до нуля на экстренном виртуальном саммите лидеров 26 марта 2020 г., когда тема COVID-19 полностью вытеснила ЦУР и изменение климата. Упоминания цифровизации снизились до трех слов в рамках общего обязательства «использовать цифровые технологии» для «реагирования на потенциальные вспышки инфекционных заболеваний». На протяжении всей этой каденции уделялось ограниченное внимание изменению климата, еще меньшее – цифровизации, и совсем небольшое – обеим темам, в контексте или в сочетании с темой ЦУР. Динамика их сосуществования и сочетания в значительной степени соответствовала характерной для дискурса «двадцатки» по ЦУР в целом, то есть росту вплоть до гамбургского максимума и последующему снижению.

Анталья (2015 г.)

В документах саммита 15–16 ноября 2015 г. в Анталье (Турция) лидеры «Группы двадцати» посвятили ЦУР 452 слова в четырех абзацах. Связи указанной темы с изменением климата или цифровизацией не было. Наиболее близким к такой связи было предложение, в котором не говорилось о ЦУР, но в предыдущем они упоминались. Оно касалось одобрения продовольственных систем, которые «экологически» поддерживают качественное и разнообразное питание.

Эти 452 слова содержат три обязательства с явной ссылкой на ЦУР непосредственно в их текстах и еще одно в окружающем его абзаце. Из этих четырех обязательств по ЦУР только одно касалось изменения климата и ни одно – цифровизации.

Для единственного обязательства по ЦУР с оценкой исполнения, а именно по денежным переводам, показатель составил лишь 50%. Это ниже, чем 64%-й уровень исполнения трех оцененных обязательств по развитию в целом. Члены «двадцатки» не спешили приспосабливаться к новому миру ЦУР.

Ханчжоу (2016 г.)

4–5 сентября 2016 г. в Ханчжоу (Китай) лидеры «двадцатки» посвятили ЦУР 527 слов в четырех абзацах. Один из них касался изменения климата, еще один – цифровой экономики.

Лидеры приняли шесть обязательств, прямо ссылающихся на ЦУР, и еще четыре, относящихся к «устойчивому развитию» в более широком смысле. Среди шести обязательств, напрямую касающихся ЦУР, одно было связано с изменением климата, а именно с Парижским соглашением. В нем отмечалось: «Мы намерены способствовать развитию инновационной, динамичной, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики, для того чтобы войти в новую эру глобального роста и устойчивого развития, принимая во внимание Повестку в области устойчивого развития на период до 2030 г., Аддис-Абебскую Программу действий и Парижское соглашение». Одно из более широких обязательств в области устойчивого развития гласило: «Мы вновь заявляем о своей приверженности устойчивому развитию, активной и эффективной поддержке и действиям, направленным на решение проблемы изменения климата». Ни одно из шести обязательств по ЦУР или более широких обязательств в области устойчивого развития не касалось цифровизации.

Уровень исполнения единственного оцененного обязательства по ЦУР, а именно по их выполнению в различных сферах, в среднем составил 93%.

Гамбург (2017 г.)

В Гамбурге (Германия, 7–8 июля 2017 г.) внимание «Группы двадцати» к ЦУР резко возросло, и по итогам саммита тема заняла первое место по количеству принятых обязательств. Лидеры посвятили ЦУР 4138 слов, или 12% от общего объема текста документов, что почти в 10 раз больше, чем в предыдущие годы. Они приняли 203 обязательства по ЦУР в широком смысле, или 38% от общего количества (529), что намного больше, чем по любой другой отдельной сфере. Для единственного оцененного обязательства по ЦУР средний уровень исполнения составил 88%.

В рамках соответствующих текстов уровень синергии с изменением климата и цифровизацией увеличился до семи явных отсылок к теме цифровизации. В рамках обязательств по ЦУР синергия с изменением климата и цифровизацией также усилилась. Сорок из них напрямую ссылались на ЦУР в общем или конкретные цели.

Четыре из этих 40 (10%) включали ссылку на изменение климата, во всех случаях на Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК ООН) и Парижское соглашение. Отсутствовало признание того, что ЦУР и изменение климата связаны или могут быть связаны, за исключением их сосуществования в качестве целей параллельных соглашений ООН. Это говорит о том, что в этих четырех обязательствах по связям ЦУР и изменения климата «Группа двадцати» поддерживала соглашения ООН в целом, а не суть борьбы с изменением климата.

Еще семь из сорока обязательств (18%) касались окружающей среды в более широком смысле, в основном посредством ссылок на ЦУР 12, 14 и 15. Поразительно, что в рамках неоднократного упоминания последовательности экологических ЦУР лидеры всегда пропускали ЦУР 13, касающуюся изменения климата.

Четыре (или 10%) обязательства по ЦУР касались цифровизации. Для них был характерен экономический акцент, поскольку они были связаны с сельскохозяйственным сектором, цифровой связью, цифровой торговлей и цифровой экономикой (с акцентом на возможности для женщин и девочек).

Ни в одном из 40 обязательств по ЦУР не упоминались одновременно вопросы изменения климата и цифровизации. Более того, четыре обязательства непосредственно по ЦУР, касающиеся изменения климата, затрагивали другие темы. То же верно и для четырех обязательств по ЦУР и цифровизации, помимо упомянутых выше тем.

Уровень исполнения трех оцененных обязательств по ЦУР в среднем составил 88%. Ни одно из них не было связано с изменением климата или цифровизацией. Но среди более широкого набора обязательств по «устойчивому развитию» одно касалось «укрепления цифровой и финансовой грамотности и возможностей». Уровень его исполнения составил 88%, что выше среднего показателя в 79% в целом для трех оцененных обязательств в области развития. Это показывает, что синергетические обязательства могут обеспечить высокий уровень исполнения, который превышает показатель для разрозненных обязательств.

Буэнос-Айрес (2018 г.)

На саммите в Буэнос-Айресе 30 ноября – 1 декабря 2018 г. внимание к ЦУР резко снизилось. Теме было посвящено 240 слов в одном абзаце, что составило лишь 3% объема текста коммюнике лидеров.

Этот короткий абзац по ЦУР был полностью посвящен поощрению реализации целей, связанных со здравоохранением, в том числе в отношении устойчивости к противомикробным препаратам и всеобщего охвата услугами здравоохранения. В нем не содержалось связей с темами изменения климата или цифровизации.

«Группа двадцати» приняла одно обязательство по ЦУР и одно – по устойчивому развитию в более широком смысле. Последнее было связано с изменением климата и гласило: «Мы продолжим решать проблемы, связанные с изменением климата, одновременно содействуя устойчивому развитию и экономическому росту».

Осака (2019 г.)

На саммите в Осаке 28–29 июня 2019 г. внимание к ЦУР немного выросло – теме было посвящено 819 слов в семи абзацах. Как и в Гамбурге, доля темы составила 12% объема коммюнике.

На этом саммите «девятки» не было установлено явной связи между ЦУР и изменением климата. Тем не менее ЦУР были увязаны с окружающей средой и устойчивостью к рискам природных бедствий. В двух из семи абзацев лидеры «Группы двад-

цати» упомянули окружающую среду. Это одна общая ссылка на «поддержку усилий развивающихся стран, нацеленных на успех в достижении прогресса в ЦУР в таких областях, как... окружающая среда», и признание того, что экономика замкнутого цикла и переработка отходов «способствуют реализации ЦУР». Наконец, в одном абзаце о ЦУР «Группа двадцати» признала важность снижения риска природных бедствий и соответствующего финансирования. Однако прямая ссылка на ЦУР в этом абзаце содержится в предыдущем предложении, в котором «двадцатка» одобрила Руководящие принципы развития науки, технологий и инноваций для «дорожных карт» ЦУР, которые не содержат упоминаний изменения климата или стихийных бедствий в [G20 Development Working Group, n. d.]. Эти факты свидетельствуют о том, что «Группа двадцати» в некоторой степени устранила разрозненность между вопросами ЦУР и загрязнения окружающей среды.

Два параграфа по ЦУР были посвящены цифровизации. Они касались тем за-служивающей доверия цифровизации; эффективного использования данных для экономики, развития и социального благополучия; искусственного интеллекта (ИИ) и интернета вещей; преодоления цифрового разрыва; цифровизации микро-, малого и среднего бизнеса; и «умных» городов (которые очень важны для достижения климатических целей). В отношении ИИ «Группа двадцати» заявила: «Искусственный интеллект (ИИ), при условии ответственного подхода к его разработке и использованию, может стать движущей силой в деле достижения ЦУР и создания устойчивого и инклюзивного общества». Под председательством технологически продвинутой Японии, реализующей свои собственные планы по движению к «Обществу 5.0», обсуждения ЦУР и цифровых технологий в «двадцатке» расширились и приобрели более конкретный характер.

Количество обязательств по ЦУР выросло до 16. Одно было связано с изменением климата, опять же в части «устойчивого развития», а не самих ЦУР. Оно включено в раздел, посвященный борьбе с изменением климата, и гласит, что лидеры будут стремиться «поощрять инклюзивное финансирование устойчивого развития, включая мобилизацию государственного и частного финансирования, в том числе в их тесной увязке».

В среднем уровень исполнения двух оцененных обязательств составил 90%. Одним из них было обязательство, напрямую связанное с достижением ЦУР, в котором говорилось, что «Группа двадцати» поддерживает развивающиеся страны в реализации «ЦУР в таких областях, как... энергетика». Таким образом, оно имело серьезные последствия с точки зрения решения проблемы изменения климата, поскольку традиционный энергетический сектор является ведущим источником выбросов парниковых газов в глобальном масштабе. Это обязательство было исполнено в среднем на уровне 88%. Второе обязательство было посвящено инвестированию в человеческий капитал для устойчивого развития. Средний уровень его исполнения составил 93%.

Факторы и корректировки исполнения

Существует несколько факторов такого соблюдения обязательств по ЦУР. Среди них незатратные меры подотчетности, которые находятся под прямым контролем лидеров «двадцатки» и могут стимулировать или затруднить, то есть скорректировать, исполнение. Они включают количество слов и обязательств, посвященных одной и той же теме на одном и том же саммите, проведение встреч на уровне министров в преддверии саммита и упоминание основных международных организаций в рамках обязательств.

В рамках более широкой группы оцененных обязательств в области развития наблюдается отрицательная корреляция между количеством обязательств и их исполнением [Hallink, 2019; Dobson, 2020]. Это говорит о том, что больше не всегда значит лучше и что «Группа двадцати» может добиться высокого уровня исполнения обязательств, сосредоточив внимание на нескольких ключевых вопросах развития. Проведение встречи министров по вопросам развития перед саммитом приводит к более высокому уровню исполнения обязательств, как и упоминание основных институтов, ответственных за достижение ЦУР, таких как Всемирный банк и ООН [Hallink, 2019]. Уровень исполнения также на 16% выше для обязательств с обязывающими глаголами (такими как «будем» (“shall” или “will”)) [Dobson, 2020].

Синергия как фактор исполнения обязательств

Еще один фактор исполнения – синергия с другими вопросами непосредственно в самом обязательстве. Уровень исполнения «Группой двадцати» шести оцененных обязательств в области устойчивого развития составляет 82%. Это выше, чем 66% для всех 52 обязательств в сфере развития. Более того, для трех оцененных обязательств в области развития, непосредственно относящихся к ЦУР, уровень исполнения достиг 77% против 67% для остальных обязательств [Ibid.]. Уровень исполнения обязательств в области развития оказался на 10% выше в тех случаях, когда они были связаны с другими сферами, «прежде всего финансовым регулированием, макроэкономической политикой, торговлей, инфраструктурой и изменением климата» [Ibid.]. Исполнение обязательств в области развития оказывалось на 10% выше, если речь в них шла о цифровизации. Это говорит о том, что увязка обязательств «Группы двадцати» в области развития с 17 глобальными ЦУР, а также с изменением климата и цифровизацией может придать импульс мотивации «девадцатки» исполнять их.

Управление «Группы двадцати» в сфере изменения климата

Заключения, обязательства и исполнение

«Группа двадцати», на членов которой приходится около 80% выбросов парниковых газов и подавляющее большинство мировых поглотителей углерода, управляет вопросами изменения климата с самого начала работы «девадцатки» на уровне лидеров в 2008–2009 гг. [Warren, 2020а, б; Kirton, Warren, 2020]. С тех пор, хотя «Группа двадцати» все более активно регулирует изменение климата, она делает это лишь в небольшой степени; соответствующая динамика отстает от развития науки и неотложности решения проблем климатического кризиса, которую она демонстрирует и которую все сильнее ощущают граждане.

До 2015 г. «девадцатка» не обеспечивала синергии между изменением климата и цифровой экономикой или ЦУР. Соответственно, Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и ее ЦУР появились в дискурсе только в 2015 г. В период с 2009 по 2015 г. устойчивое развитие в более широком смысле упоминалось в обсуждениях лидеров в области климата, прежде всего в контексте «зеленого» роста.

На первом саммите «девадцатки» в Вашингтоне в ноябре 2008 г. вопросы изменения климата были вытеснены глобальным финансовым кризисом. Лидеры посвятили проблеме изменения климата только 64 слова, или 2% своего коммюнике, и не взяли на себя никаких климатических обязательств [Kirton, Kokotsis, 2015].

На своем втором саммите в Лондоне в апреле 2009 г. лидеры впервые приняли политические обязательства в сфере климата: 64 слова по теме составили три обязательства, в том числе одно о «зеленом» восстановлении экономики. Однако уровень исполнения этих обязательств составил лишь 45%.

На саммите в Питтсбурге в сентябре 2009 г. внимание к проблеме изменения климата усилилось, ей было посвящено 911 слов, или 10% коммюнике, и три обязательства. Согласно оценке, уровень исполнения составил 93% – это самый высокий показатель вплоть до 2019 г. Оценивалось широкое обязательство по поддержке переговоров по изменению климата 2009 г. в рамках РКИК ООН по смягчению последствий, адаптации, технологиям и финансированию. Безусловно, спектр действий, которые могли быть засчитаны как исполнение этого обязательства, может не отражать влияния группы стран с развивающейся экономикой (Бразилия, Россия, Индия и Китай (БРИК)). БРИК многие критиковали за подрыв переговоров ООН по климату в Копенгагене позднее в том же году. В то же время точность этой высокой оценки, частично полученной уже через полгода после Копенгагенского соглашения, подтверждается тем и может отражать то, что эти страны с развивающейся экономикой впервые были включены в международное соглашение по климату, хотя оно и не было юридически обязывающим [Lefton, Light, Weiss, 2009].

На саммите в Торонто в июне 2010 г. теме изменения климата было уделено 838 слов (7% коммюнике) и принято три обязательства с уровнем исполнения 71%. Для обязательства по «зеленому» восстановлению уровень исполнения составил 70%. Для обязательства, подтверждающего поддержку переговоров по климату в Копенгагене, показатель упал до 47%. Для третьего, по принципу общей, но дифференцированной ответственности, он составил 95%.

В ноябре 2010 г. в Сеуле количество слов, посвященных теме изменения климата, увеличилось до 2018, или 13% коммюнике, на фоне более пристального внимания к устойчивому развитию в целом. Но уровень исполнения восьми принятых в Сеуле обязательств по борьбе с изменением климата в среднем составил только 53%. Для трех обязательств по Копенгагенскому соглашению показатель составил в среднем 67%. Для обязательства, связанного с «зеленым» и экологически устойчивым ростом, при одновременном обеспечении занятости и доступа к энергии для бедных, уровень исполнения достиг лишь 25%.

На Каннском саммите в ноябре 2011 г. теме изменения климата было посвящено 1167 слов, или 8% коммюнике, и восемь обязательств. Средний уровень исполнения вырос до 69%. Два обязательства упоминали «устойчивое развитие». В них прослеживалась явная связь с изменением климата, обеспечившая высокий уровень исполнения. Уровень исполнения обязательства «поощрять устойчивое развитие и “зеленый” рост, а также продолжать работу по решению проблемы изменения климата» составил 98%. Для обязательства «поощрять применение стратегий низкоуглеродного развития, чтобы в полной мере оптимизировать потенциал для “зеленого” роста и обеспечить устойчивое развитие», показатель достиг 83%. Эти обязательства были широкими, и членам «двадцатки», вероятно, был доступен широкий спектр действий для обеспечения столь высокого уровня исполнения. Наше предположение подтверждается уровнем исполнения третьего, более конкретного оцененного обязательства по обеспечению начала функционирования Зеленого климатического фонда. Он составил всего 28%.

В Лос-Кабосе в июне 2012 г. наблюдалась схожая картина: теме климата было посвящено 1160 слов, или 9% коммюнике. Было принято восемь обязательств со средним уровнем исполнения 80%. Для вновь подтвержденного обязательства «содействовать устойчивому развитию и “зеленому” росту и продолжать усилия по решению проблемы

изменения климата» был достигнут максимальный уровень исполнения в 100%. Для самого общего обязательства «по борьбе с изменением климата» показатель достиг 85%. Для конкретного обязательства по запуску Платформы знаний о «зеленом» росте – 53%.

В документах саммита в Санкт-Петербурге в сентябре 2013 г. теме климата было посвящено 1697 слов (6% коммюнике). Количество обязательств выросло до 11, но уровень исполнения снизился до 42%, при этом для каждого из трех оцененных обязательств показатель был ниже 50%. Для обязательства по реализации решений, принятых на встречах по климату в Дурбане, он составил только 38%. Для обязательства по Зеленому климатическому фонду – 40%. А для поддержки дополнительных инициатив в рамках Монреальского протокола – 48%.

На саммите в Брисбене в ноябре 2014 г. тема изменения климата была вытеснена на фоне шока в сфере здравоохранения, связанного с кризисом, вызванным вирусом Эбола. Доля темы изменения климата сократилась до 323 слов, или 4% документов. Количество обязательств упало до семи. Тем не менее уровень их исполнения возрос до 76%. По-прежнему самыми низкими были оценки по двум обязательствам в области климатического финансирования Зеленого климатического фонда, составившие 55 и 63%. Для обязательства, которое экономически увязало РКИК ООН с поддержкой деловой уверенности и инвестиций, уровень исполнения составил 90%. Для обязательств, увязывающих РКИК ООН с экономическим ростом, а также с поддержкой устойчивого развития в каждом случае показатель достиг 85%.

В ноябре 2015 г. в Анталье возобновились дискуссии о климате: 1129 слов по теме составили 8% объемов итоговых коммюнике. Но в них содержалось всего три обязательства. Все они были посвящены КС21 РКИК, проходившей несколько недель спустя, на которой было подписано Парижское соглашение. В одном из обязательств была подтверждена впервые озвученная в 2014 г. связь РКИК ООН с устойчивым развитием, но не с ЦУР. Уровень исполнения вновь составил 85%.

На сентябрьском саммите 2016 г. в Ханчжоу изменению климата было посвящено 1754 слова, то есть 10% коммюнике. Но они содержали всего два обязательства. Уровень исполнения того из них, в котором говорилось об устойчивом развитии, составил 73%, а для процедурного, призывающего согласовать внутренние процедуры стран «двадцатки» для присоединения к Парижскому соглашению, показатель составил в среднем 93%. Обязательства Ханчжоу в отношении климата содержали только одно упоминание устойчивого развития в широком смысле. Они не содержали увязок изменения климата с цифровой экономикой, несмотря на то что инновации были центральной темой саммита.

На саммите в Гамбурге в июле 2017 г. изменению климата было посвящено больше всего слов в истории «Группы двадцати» – 5255. Доля в общем объеме текстов была второй по величине (15%), показатель был превзойден только на саммите в Осаке в 2019 г. В Гамбурге также было принято наибольшее количество климатических обязательств – 22. В них впервые содержалась прямая ссылка к ЦУР, но не к вопросам цифровизации.

Уровень исполнения в среднем составил 71%. И снова самый низкий показатель был зафиксирован для обязательства по климатическому финансированию – 43%. За ним следовало конкретное обязательство по поддержке нескольких сетей и альянсов по адаптации с уровнем исполнения 55%. Показатель для обязательства по смягчению последствий изменения климата с упором на инновации достиг 80%. Широкое обязательство по содействию адаптации в целом было исполнено на уровне 83%. Самый высокий уровень исполнения был зафиксирован для обязательства по рыночным барьерам для частных «зеленых» инвестиций – 95%.

В Буэнос-Айресе в ноябре 2018 г. произошло резкое падение доли дискурса по изменению климата до 532 слов (6% коммюнике) и трех обязательств. Одно касалось устойчивого развития, но не ЦУР. Ни одно не затрагивало цифровизации. Для двух оцененных климатических обязательств уровень исполнения составил в среднем 78%, что больше, чем годом ранее. Обязательство по реализации Парижского соглашения было исполнено на уровне 87%, но оно не включало США, которые объявили о своем выходе из него. Показатель обязательства по адаптации – поддержке уязвимых к климатическим изменениям стран, таких как малые островные государства, составил лишь 70%.

На саммите в Осаке в июле 2019 г. были приняты документы, содержащие 2034 слова по теме изменения климата. Это самая высокая доля в истории «девадцатки» – 24% коммюнике лидеров. Было принято 13 обязательств, что ниже только гамбургского показателя (22 обязательства). Однако три из этих обязательств не были полностью коллективными. Одно о «необратимости» Парижского соглашения исключает США. Два других включают только США, в том числе подтвержденное обязательство США выйти из Парижского соглашения. К 10 октября 2020 г. уровень исполнения трех из 13 обязательств в среднем составлял 76%. В одном из них говорилось об устойчивом развитии, но не о ЦУР: «...мы стремимся поощрять инклюзивное финансирование устойчивого развития, включая мобилизацию государственного и частного финансирования, в том числе в их тесной увязке». В отличие от предыдущих обязательств по климатическому финансированию, которые были сосредоточены на многосторонних механизмах и задачах климатического финансирования под руководством ООН, таких как Зеленый климатический фонд, это обязательство, ориентированное на частный сектор, имело высокий уровень исполнения – 93%. Второе оцененное обязательство по «инновациям... в целях уменьшения объема выбросов парниковых газов и устойчивого развития» было исполнено на 85%. Для третьего обязательства по сообщению, обновлению и улучшению определяемых на национальном уровне вкладов в Парижское соглашение показатель составил лишь 50%.

Ни в одном из 13 климатических обязательств напрямую не упоминалась цифровизация. Но одно из них было связано с эпохой цифровых технологий и касалось изучения чистых технологий и подходов к развитию «умных» городов. ОЭСР определяет «умные» города как «инициативы или подходы, которые эффективно используют цифровизацию для повышения благосостояния граждан и предоставления более эффективных, устойчивых и инклюзивных городских услуг и окружающей среды в рамках совместного процесса с участием многих заинтересованных сторон» [OECD, 2020].

Факторы и корректировки исполнения

С учетом низкого уровня исполнения «Группой девадцати» обязательств в отношении изменения климата, особенно в контексте растущей необходимости обратить вспять глобальный рост выбросов, крайне важно, чтобы «девадцатка» улучшила исполнение. Как и в случае с обязательствами по ЦУР, аналогичные меры подотчетности могут помочь достичь этого.

Среди них уменьшение количества слов и обязательств по изменению климата [Warren, 2020]. Это не означает, что «девадцатке» следует уделять меньше внимания изменению климата. Скорее, ей предлагается сосредоточиться на нескольких важных моментах, таких как перераспределение субсидий с ископаемого топлива на возобновляемые источники. Согласно оценкам, выполнение единственного обязательства по поэтапному отказу от неэффективных субсидий на ископаемое топливо приведет

к сокращению глобальных выбросов на 37 Гт [IISD, 2017]. Субсидии на ископаемое топливо подрывают процесс достижения многих ЦУР, а постепенное прекращение высвобождает деньги для продвижения последних [IISD, 2019].

Такие климатические обязательства должны включать краткосрочные периоды исполнения или ориентиры для обеспечения реализации более долгосрочных климатических целей [Warren, 2020]. Климатические обязательства с шестимесячным сроком исполнения выполняются лучше, чем многолетние. Для четырех обязательств со сроком исполнения в шесть месяцев или менее его средний уровень составил 85%. Для обязательства с многолетним сроком показатель в среднем составил всего 43%.

Более того, эти четыре обязательства с высоким уровнем исполнения были приняты до ключевых саммитов ООН по климату на высоком уровне. Для обязательств, прямо ссылающихся на РКИК ООН, средний уровень исполнения составил 85%, тогда как для не содержащих такой отсылки – только 65%. В частности, климатические обязательства, принятые до саммитов РКИК ООН, исполнялись на более высоком уровне, чем те, которые были приняты после них. Это говорит о том, что поддержка в преддверии периодических саммитов РКИК ООН также является фактором исполнения.

«Группа двадцати» должна также институционализировать встречи министров по окружающей среде и изменению климата, проводя их перед саммитами. В рамках схожего формата «семерки» проведение таких встреч коррелирует с более высоким уровнем исполнения климатических обязательств, принимаемых на саммитах. В «двадцатке» первая встреча министров окружающей среды (совместно с министрами энергетики) состоялась на саммите в Осаке в 2019 г. Возможно, это способствовало высокому уровню исполнения двух оцененных климатических обязательств, который составил 76%.

Синергия как фактор исполнения обязательств

Наивысший уровень исполнения (87%) пришелся на те обязательства «Группы двадцати» в области климата, которые касались устойчивого развития [Warren, 2020]. Второе место заняли обязательства, ссылающиеся на основной приоритет «двадцатки», экономический рост, с показателем в 74%. Для обязательств с упоминанием лесов он достиг 65%, озонового слоя – 48%, чистой энергетики – 46%. Климатические обязательства, содержащие упоминания мобилизации финансовых средств, были исполнены на 60%. Однако увязка устойчивого развития и изменения климата, в зависимости от того, как понимается устойчивое развитие, может подорвать и обратить вспять прогресс в области смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним. Чтобы избежать этого, «Группа двадцати» должна быть более конкретной и напрямую увязать вопросы изменения климата с ЦУР 13, касающейся действий по борьбе с изменением климата.

Управление «Группы двадцати» в сфере цифровизации

Заключения, обязательства и исполнение

Что касается цифровизации, управление цифровой экономикой со стороны «двадцатки» началось только в 2013 г. (приложение Е). Однако в этом случае разрозненное управление оказалось сильным.

В Вашингтоне в 2008 г. лидеры обсуждали вопросы, связанные с платформами электронной коммерции. Но термин «цифровая экономика» не появлялся вплоть до

саммита в Санкт-Петербурге в 2013 г. Первое обязательство по цифровой экономике было принято только на саммите в Ханчжоу в 2016 г., где инновации были ключевой темой [Williams, 2019].

В целом с 2008 по 2015 г. «Группа двадцати» посвятила вопросам цифровизации 1907 слов. Это означает, что доля цифровизации в коммюнике в рассматриваемый период не превышала 3%.

Саммит в Ханчжоу в 2016 г. положил начало серьезному управлению цифровизацией со стороны «Группы двадцати». Этой теме было посвящено 3042 слова, то есть 19% объема документов саммита. Ни одно из 48 принятых обязательств по цифровой экономике не было связано с изменением климата или ЦУР, несмотря на очевидные экологические последствия цифровизации. Все четыре оцененных обязательства по цифровизации касались обеспечения доступа к интернету в цифровой экономике. Каждое было нацелено на отдельный аспект или субъект для достижения этой всеобъемлющей цели, например, на поддержку малых и средних предприятий. Уровень исполнения в среднем составил лишь 57%.

На саммите в Гамбурге 2017 г. теме цифровизации было посвящено 5029 слов, то есть 4% объема документов. Было принято 27 обязательств по цифровизации. Одно обязательство касалось устойчивого развития, а два – ЦУР. Ни в одном из них не упоминалось изменение климата. По одному обязательству, которое было оценено, средний уровень исполнения достиг 95%. Оно не относилось к устойчивому развитию или ЦУР, а было направлено на развитие цифровой экономики и обеспечение конкуренции, инвестиций и инноваций.

На саммите в Буэнос-Айресе 2018 г. блок по цифровизации составил 1420 слов (17% итоговых документов) и включил 11 обязательств. Ни одно из них не было связано с ЦУР или изменением климата. Средний уровень исполнения двух оцененных обязательств составил 74%. Для обязательства по свободному потоку данных на основе доверия показатель был равен 55%, а по улучшению цифровой инфраструктуры – 93%.

На саммите в Осаке в 2019 г. цифровизации было посвящено 1265 слов, или 19% объема документов, и она впервые была увязана с ЦУР. Но в шести обязательствах по цифровизации не содержалось явных связей с вопросами ЦУР или изменения климата. Средний уровень исполнения составил 67%. Для обязательства по свободному потоку данных на основе доверия показатель вырос до 85%. Связанное с ним обязательство по цифровому налогообложению было исполнено на 65%. По терроризму с цифровой составляющей – всего на 50%.

Факторы и корректировки исполнения

Незатратные меры подотчетности, которые «Группа двадцати» может использовать для улучшения исполнения обязательств в сфере цифровизации, включают принятие дополнительных обязательств по этой тематике на тех же саммитах, проведение перед саммитами министерских встреч по вопросам цифровизации и упоминание ОЭСР как основной международной организации в обязательствах по цифровизации [Williams, 2019].

Синергия как фактор исполнения обязательств

В обязательствах «двадцатки» по цифровизации не было зафиксировано явных ссылок на изменение климата или ЦУР. Но неявная, но важная отсылка все же появилась, когда «двадцатка» в Осаке дважды упомянула «умные» города – область работы,

неразрывно связанную как с изменением климата, так и с цифровизацией. Одно из этих упоминаний содержалось в разделе об изменении климата, а другое – в разделе о цифровизации. Во втором из них также прямо упоминаются ЦУР, в контексте их связи с искусственным интеллектом (ИИ).

Эр-Риядское отступление, ноябрь 2020 г.

На саммите в Эр-Рияде (21–22 ноября 2020 г.) «двадцатка» уделила совсем мало внимания трем рассматриваемым темам и их синергии. Она мало что сделала для управления ЦУР, изменением климата и цифровизацией и не упомянула о связях между этими сферами. Указанные вопросы вытеснила пандемия COVID-19 – еще один кризис, который лидеры «двадцатки» рассматривали как не связанный с устойчивым развитием, изменением климата или цифровизацией. По каждой из трех тем было принято мало обязательств, и в них не содержалось ни одной двусторонней связи.

Всего в Эр-Рияде было принято 107 обязательств. По 14 обязательств было принято в сферах здравоохранения и борьбы с преступностью и коррупцией, 10 – в сфере торговли, 9 – по макроэкономической политике, 8 – по гендерным вопросам, 7 – в сфере содействия развитию. Сильно отстали сферы изменения климата и цифровой экономики, по каждой из которых было принято лишь три обязательства.

Только одно из семи обязательств в области развития относилось к ЦУР (приложение Ж). Это обязательство с низкой степенью обязательности без синергии: «...мы намерены и далее играть ведущую роль в содействии своевременной реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и Аддис-Абебской программы действий».

Ни одно из трех обязательств по изменению климата с низкой степенью обязательности не было связано с развитием или цифровизацией. Только одно имело связи с другими сферами, упоминало экономику и энергетику: «В преддверии 26-й сессии КС Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) в Глазго... мы вновь заявляем о нашей поддержке решению насущных проблем в области окружающей среды, таких как изменение климата... при одновременном поощрении экономического роста, энергетической безопасности и всеобщего доступа к энергии, а также защиты окружающей среды».

Ни одно из трех обязательств по цифровизации с низкой степенью обязательности не было связано с вопросами развития или изменения климата, хотя были зафиксированы связи с некоторыми другими темами.

Заключение

Очевидно, что ЦУР были разработаны с учетом синергии, и каждая из 17 целей непосредственно поддерживает все остальные. Лидеры правительств, которые одобрили их в ООН и поддержали в «двадцатке», несут уникальную ответственность, как внутри стран, так и в рамках внешней политики, за разработку и внедрение синергетических решений, которые принесут пользу всем. Лидеры «Группы двадцати» также обладают исключительными возможностями, учитывая совокупный потенциал их стран, высокие показатели достижения ЦУР и существенные достижения в области изменения климата и цифровизации на пике обсуждения этих приоритетов в Гамбурге в 2017 г., а также появляющиеся доказательства того, что наличие синергии в обязательствах улучшает их последующее исполнение странами-членами.

Для усиления синергии, чтобы обеспечить более высокий уровень исполнения и сопутствующие выгоды для всех, лидерам следует начать с выработки обязательств с учетом конкретных синергетических эффектов, которые кажутся наиболее эффективными. Что касается развития и, следовательно, устойчивого развития, такими являются те обязательства, которые «связывают развитие с вопросами традиционного и формирующегося ядра повестки управления “девадцатки”, а именно с экономическими приоритетами» [Dobson, 2020]. В 2017 г. уровень исполнения обязательств по ЦУР и цифровизации составил 88%. Более того, «наибольший уровень исполнения – 87% – был зафиксирован для климатических обязательства, связанных с устойчивым развитием» [Warren, 2020].

Воздействие такой синергии на повышение уровня исполнения подтверждается и уточняется результатами мониторинга исполнения соответствующих обязательств саммита в Осаке в период до 10 октября 2010 г. В сфере развития три обязательства, которые касались ЦУР или устойчивого развития, в среднем были исполнены на 91%, что намного выше среднего значения по всем сферам Осакского саммита – 78%. Для первого обязательства, упоминающего вопросы энергетики (тема, тесно связанная с изменением климата), средний уровень исполнения составил 88%. Второе, связанное с инвестициями в человеческий капитал, было исполнено в среднем на 93%, как и третье, связанное с финансированием борьбы с изменением климата. Для четвертого обязательства, связывающего «устойчивое развитие» с изменением климата, средний показатель достиг 78%.

Что касается цифровизации, средний уровень исполнения трех упоминающих ее обязательств составил всего 67%. Однако для первого, связывающего цифровизацию с экономикой, показатель достиг 85%. Для второго, связывающего цифровизацию с налогообложением, он составил 65%. Однако у третьего, увязывающего вопросы цифровизации и противодействия терроризму, уровень исполнения достиг лишь 50%. Это свидетельствует о ценности связей с традиционными основными экономическими приоритетами «Группы двадцати» [Dobson, 2020].

В целом с 2016 г. наблюдается тенденция к более высокому уровню исполнения обязательств по устойчивому развитию и ЦУР, изменению климата или цифровизации, когда в них содержатся синергетические связи с одной из других сфер (или энергетикой, тесно связанной с изменением климата) или, в более общем плане, с экономическими приоритетами традиционного ядра «девадцатки». При этом данная закономерность наиболее ярко проявилась в Гамбурге (2017 г.) и в Осаке (2019 г.), что позволяет предположить, что другие факторы исполнения, обеспеченные председательствующей страной, также сыграли свою роль.

В совокупности результаты последнего регулярного саммита «Группы двадцати» в Осаке, по которому имеются полные данные об исполнении обязательств, позволяют предположить, что устойчивое развитие является главной опорой, на которой следует основывать синергию с целью обеспечения высокого уровня исполнения. Они также свидетельствуют, что основные синергетические связи должны строиться со сферой изменения климата. Наконец, они показывают, что «Группе двадцати» следует начать формирование в полной мере трехсторонней связи между сферами ЦУР, климата и цифровизации, которая могла бы обеспечить высокий уровень исполнения обязательств на благо всех.

Такая синергия особенно важна в ограниченном с точки зрения ресурсов мире COVID-19, в котором мы внезапно оказались в 2020 г. Тем не менее на чрезвычайном саммите «девадцатки» 26 марта 2020 г. COVID-19 переключил на себя приоритетное внимание, которое Саудовская Аравия новаторски уделила ЦУР, изменению климата

и окружающей среды, когда 1 декабря 2019 г. впервые объявила о своих приоритетах на саммите в Эр-Рияде 21–22 ноября 2020 г. В итоге в Эр-Рияде не была восстановлена ни эта приоритетность, ни какие-либо синергетические связи.

Чтобы восстановить эффективность своей работы в трех указанных сферах с упором на результаты, которые приносит исполнение обязательств, существует несколько других незатратных мер подотчетности, которые лидеры «двадцатки» уже использовали ранее и которые позволяли повысить уровень исполнения. Что касается развития и ЦУР, эти обязательства, которые «включают строго обязательные глаголы, сигнализирующие об их коллективной политической воле, связывают развитие с темами, составляющими традиционное и формирующееся ядро управления “двадцатки”, и ссылаются на предыдущие саммиты» [Dobson, 2020]. В сфере цифровизации меры включают более активное обсуждение и принятие большего числа обязательств, «содержащих четко изложенные ожидания менее обязывающим языком» и успевающих «за быстрыми темпами цифровых инноваций за счет анализа текущих тенденций и инноваций в цифровизации, позволяющего определить области, требующие регуляторных и политических изменений» [Williams, 2020].

Исходя из сказанного, на своих будущих саммитах лидеры «Группы двадцати» должны восстановить центральную роль и синергию ЦУР, а также интегрировать в соответствующий дискурс тему цифровизации, чтобы обеспечить достижение ЦУР и решение проблем, связанных с изменением климата и COVID-19. Они могут начать с трех шагов.

Во-первых, они должны обеспечить акцент на ЦУР и изменении климата на последующих саммитах. В качестве обязательной меры, чтобы преодолеть вытеснение других приоритетов темой COVID-19, их дискурс по пандемии должен охватывать все цели и показатели ЦУР 3 по здравоохранению и явно связывать их с ЦУР 13 по изменению климата и связанным с ним экологическим аспектам. Они должны определить и подчеркнуть, как изменение климата способствует росту случаев заболевания и смерти от COVID-19, как защита лесов может помочь борьбе с COVID-19, потенциально предоставляя сырье для вакцин, и как другие природные решения могут принести пользу с точки зрения как защиты здоровья, так и контроля за изменением климата. Во-вторых, они должны полностью интегрировать в обсуждение по указанным сферам вопросы цифровизации как в рамках «Группы двадцати», так и в ООН. В-третьих, они должны проводить второй ежегодный саммит «двадцатки» на открытии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре в Нью-Йорке, чтобы продвигать ЦУР и полностью интегрировать изменение климата и цифровизацию в эти обсуждения.

Приоритеты, объявленные Италией как страной, принимающей саммит «двадцатки» в 2021 г., закладывают благоприятную основу для этого (приложение 3). Тридцать приоритетов председательства включают один конкретно по ЦУР, два по изменению климата и три по цифровизации, а многие другие поддерживают эти разрозненные сферы и синергию между ними. Дополнительные позитивные факторы связаны со сменой президента США. Д. Трампа, отрицающего проблемы изменения климата, сменил приверженный их решению Д. Байден, который провел глобальный климатический саммит в честь Дня Земли 22 апреля 2021 г. Кроме того, есть планы провести давно откладываемый климатический саммит ООН 1–22 ноября, сразу после окончания римского саммита «двадцатки».

ИСТОЧНИКИ

Bauer S., Berger A., Iacobuta G. (2020). With or Without You: How the G20 Could Advance Global Action Towards Climate-Friendly Sustainable Development // *Global Solutions Journal*. No. 5. P. 115–122. Режим доступа: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2020/05/GSJ_issue5_NEU.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Bollrich E., Steinhilder J. (2020). Implementing the SDGs: On the Relationship Between Sustainable Development and the Global Commons // *Global Solutions Journal*. No. 5. P. 212–217. Режим доступа: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2020/05/GSJ_issue5_NEU.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Dobson S. (2020). G20 Performance on Development. *G20 Saudi Arabia 2020: The Riyadh Summit* / J. Kirton, M. Koch (eds). L.: GT Media.

Fues T. (2017). Recalibrating the G20’s Mission Toward Sustainable Development: Opportunities and Challenges for Germany’s Presidency // *International Organisations Research Journal*. Vol. 12. No. 2. P. 34–53. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-02-34>

G20 Development Working Group (n. d.). Guiding Principles for the Development of Science, Technology, and Innovation for SDGs Roadmaps. Режим доступа: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/g20_summit/osaka19/pdf/documents/en/annex_12.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Hallink C. (2019). G20 Performance on Development. *G20 Japan: The Osaka Summit* / J. Kirton, M. Koch (eds). L.: GT Media.

International Institute for Sustainable Development (IISD) (2017). Ending Fossil Fuel Production Subsidies Cuts Greenhouse Gas Emissions by 37 Gt over 2017–2050. Press Release, 12 February. Режим доступа: <https://www.iisd.org/articles/ending-fossil-fuel-production-subsidies-cuts-greenhouse-gas-emissions-37-gt-over-2017-2050> (дата обращения: 15.05.2021).

International Institute for Sustainable Development (IISD) (2019). High-Level Political Forum on Sustainable Development: Selected Other Side Events Coverage for 10 July 2019. *Earth Negotiations Bulletin*. Режим доступа: https://enb.iisd.org/hlpf/2019/side-events/10jul.html?utm_medium=email&utm_campaign=ENB%20Update%202010%20July%202019%20SW&utm_content=ENB%20Update%20%2010%20July%202019%20SW+CID_c9416492e87f44e1e9b8f1e49de1b6bf&utm_source=cm&utm_term=Read%20full%20coverage (дата обращения: 15.05.2021).

Kharas H., Strauss S., Schmidt-Traub G., Rodriguez Tornquist R. (2018). Advancing the G20’s Commitment to the 2030 Agenda // *Global Solutions Journal*. No. 2. P. 31–37. Режим доступа: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2019/09/GlobalSolutionsJournal_2_E-Reader.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Kirton J. (2019a). The G20’s Future // *International Organisations Research Journal*. Vol. 14. No. 2. P. 31–51. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-02-02>

Kirton J. (2019b). G20 Governance for an Inclusive Liberal Order // *China Journal of International Review*. Vol. 1. No. 1. P. 1–21. Режим доступа: <https://doi.org/10.1142/S2630531318500014>

Kirton J. (2020a). The United States’ Cooperative Leadership in G7 and G20 Governance // *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 40. No. 1. P. 103–116. Режим доступа: <https://doi.org/10.1353/SAIS.2020.0009>

Kirton J. (2020b). G20 Governance of Globalization // *International Organisations Research Journal*. Vol. 14. No. 2.

Kirton J., Kokotsis E. (2015). *The Global Governance of Climate Change: G7, G20 and UN Leadership*. Farnham: Ashgate.

Kirton J., Larionova M. (eds) (2018). *Accountability for Effectiveness in Global Governance*. N.Y.: Routledge.

Kirton J., Nikolaeva A. (2019). Causes of G20 Compliance: Institutionalization, Hegemony, Reciprocity or Clubs // *International Organisations Research Journal*. Vol. 14. No. 2. P. 80–108. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-02-04>

Kirton J., Warren B. (2018). G20 Governance of Digitalization // International Organisations Research Journal. Vol. 13. No. 2. P. 16–40. Режим доступа: 10.17323/1996-7845-2018-02-02

Kirton J., Warren B. (2020). A Fragile First Step? G7 and G20 Governance of Climate Change, the Environment, Health and Indigenous Peoples. Paper prepared for the Annual Convention of the International Studies Association, Honolulu, 25–29 March. Режим доступа: <https://www.g8.utoronto.ca/scholar/kirton-warren-isa-2020.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

Kirton J., Warren B. (2021). Engagement Groups Recommendations Realized in G20 Summits // Global Solutions Journal. No. 6. P. 29–36. Режим доступа: https://www.global-solutions-initiative.org/210114_GS_journal_6.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Larionova M., Kirton K. (2020). Global Governance After the COVID-19 Crisis // International Organisations Research Journal. Vol. 15. No. 2. P. 7–23. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-01>

Lefton R., Light A., Weiss D. (2009). Lessons Learned From Copenhagen. Center for American Progress, 22 December. Режим доступа: <https://www.americanprogress.org/issues/green/news/2009/12/22/7011/lessons-learned-from-copenhagen/> (дата обращения: 15.05.2021).

Li X., Zhou T. (2016). Achieving the Sustainable Development Goals: The Role for the G20 From China's Perspective // China and World Economy. Vol. 24. No. 4. P. 55–72. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/cwe.12167>

Lustig N. (2018). The Sustainable Development Goals, Domestic Resource Mobilization and the Poor // Global Solutions Journal. No. 2. P. 190–197.

Ordonez A., Scholz I., Murillo F., Sharma G., Tanaka K., Yamada K., Hege E., Cavalli L. (2020). Improving the G20's Co-ordination of the Delivery and Monitoring of the 2030 Agenda // Global Solutions Journal. No. 2. P. 38–46. Режим доступа: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2019/09/GlobalSolutionsJournal_2_E-Reader.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2020). Smart Cities and Inclusive Growth. Режим доступа: https://www.oecd.org/cfe/cities/OECD_Policy_Paper_Smart_Cities_and_Inclusive_Growth.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Rapson J., Kirton J. (2020). Raising Compliance with G20 Commitments: Two Evidence Based Instruments // Global Solutions Journal. No. 5. P. 224–233. Режим доступа: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2020/05/GSJ_issue5_NEU.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Steiner A. (2020). A Critical Moment. Saudi Arabia 2020: The Riyadh Summit / J. Kirton, M. Koch (eds). L.: GT Media.

Warren B. (2020a). G20 Governance of Climate Change Through Nature-Based Solutions // Global Solutions Journal. No. 5. P. 135–145. Режим доступа: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2020/05/GSJ_issue5_NEU.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

Warren B. (2020b). G20 Performance on Climate Change. Saudi Arabia 2020: The Riyadh Summit / J. Kirton, M. Koch (eds). L.: GT Media.

Williams M. (2019). G20 Performance on the Digital Economy. Saudi Arabia 2020: The Riyadh Summit / J. Kirton, M. Koch (eds). L.: GT Media.

Приложение А. Прогресс в достижении ЦУР до и после начала пандемии COVID-19

Прогресс до начала пандемии COVID-19

Самый значительный прогресс с 2015 г.

По ЦУР:

ЦУР 1. Ликвидация бедности

ЦУР 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура

По страновым группам:

Восточная и Южная Азия

Страны с низким и средним уровнем дохода

Медленный прогресс или регресс до начала пандемии COVID-19

ЦУР 2. Ликвидация голода

ЦУР 15. Экосистемы суши

Прогресс после начала пандемии COVID-19 (краткосрочный)

ЦУР 12. Ответственное потребление и производство

ЦУР 13. Меры по борьбе с изменением климата

ЦУР 14. Экосистемы океана

ЦУР 15. Экосистемы суши

Регресс после начала пандемии COVID-19

ЦУР 1. Ликвидация бедности

ЦУР 2. Ликвидация голода

ЦУР 3. Здоровье и благополучие

ЦУР 4. Качественное образование

ЦУР 5. Гендерное равенство

ЦУР 8. Достойная работа и экономический рост

ЦУР 10. Снижение неравенства

Источник: Данные SDG Index score и частного интервью с представителем ПРООН, 3 октября 2020 г.

Приложение Б. Упоминания ЦУР в документах саммитов «Группы двадцати»

Саммит	Кол-во слов	Общее кол-во слов, %	Кол-во абзацев	Общее кол-во абзацев, %	Кол-во документов	Общее кол-во документов, %	Кол-во документов по теме
Вашингтон 2008	0	0	0	0	0	0	0
Лондон 2009	0	0	0	0	0	0	0
Питтсбург 2009	0	0	0	0	0	0	0
Торонто 2010	0	0	0	0	0	0	0
Сеул 2010	0	0	0	0	0	0	0
Каннны 2011	0	0	0	0	0	0	0
Лос-Кабос 2012	0	0	0	0	0	0	0
Санкт-Петербург 2013	0	0	0	0	0	0	0
Брисбен 2014	0	0	0	0	0	0	0
Анталия 2015	452	3,2	4	1,1	3	50	0
Ханчжоу 2016	527	3,2	4	0,6	2	50	0
Гамбург 2017	4138	12	63	3,7	7	70	1
Буэнос-Айрес 2018	240	2,8	1	0,5	1	50	0
Осака 2019	819	12,3	7	7,2	1	50	0
26 марта 2020	0	0	0	0	0	0	0
<i>Всего</i>	<i>6176</i>	<i>33,5</i>	<i>79</i>	<i>13,1</i>	<i>14</i>	<i>270</i>	<i>1</i>
<i>Среднее</i>	<i>441</i>	<i>2</i>	<i>6</i>	<i>1</i>	<i>1</i>	<i>19</i>	<i>0</i>

Примечания.

Составлено Дуджей Муханной (2008–2020 гг.), Исследовательская группа «двадцатки», 27 сентября 2020 г.

Данные взяты из всех официальных англоязычных документов, принятых лидерами «двадцатки» в полном составе. Графики исключены.

«Количество слов» – это количество слов по темам, связанным с ЦУР, за указанный год, исключая названия документов и ссылки. Слова подсчитываются по абзацам, поскольку абзац является единицей анализа.

«Общее количество слов, %» относится к доле в общем количестве слов во всех документах за указанный год.

«Количество абзацев» – это количество абзацев, содержащих упоминания ЦУР, за указанный год. Каждый пункт обозначает отдельный абзац.

«Общее количество абзацев, %» означает долю в общем количестве абзацев во всех документах за указанный год.

«Количество документов» – это количество документов, содержащих упоминание темы ЦУР, без учета документов по теме.

«Общее количество документов, %» относится к доле в общем количестве документов за указанный год.

«Количество документов по теме» – это количество документов за год, в заголовке которых содержится тема, связанная с ЦУР.

Приложение В. Обязательства «Группы двадцати» по ЦУР: 2015–2019 гг.

Ключевой аспект	Всего	Анталия 2015	Ханчжоу 2016	Гамбург 2017	Буэнос-Айрес 2018	Осака 2019
Развитие	60	3	7	35	1	14
Изменение климата	14	1	1	10	1	1
Продовольствие и с/х	17		2	15		
Международное сотрудничество	2			2		
Энергетика	10			10		
Миграция и беженцы	7			7		
Макро-экономическая политика	12			12		
Финансовое регулирование	13			13		
ИКТ	13			13		
Торговля	17			17		
Гендерные вопросы	6			6		
Труд и занятость	14			13		1
Преступность и коррупция	22			22		
Здравоохранение	8			8		
Окружающая среда	3			3		
Инфраструктура	6			6		
Социальная политика	2			2		
Микро-экономическая политика	1			1		
Реформа МФИ	6			6		
Цифровая экономика	2			2		
<i>Всего</i>	235	4	10	203	2	16

Примечания.

Составлено Бриттани Уоррен, 2 октября 2020 г.

Термины для включения: ЦУР / Цели устойчивого развития, Повестка дня на период до 2030 г., устойчивое развитие.

Обязательства, включенные в этот список, которые явно исключают эти термины, были включены в том случае, если находились под подзаголовком или в разделе, посвященном исключительно Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Обязательства по развитию, которые явно не включали термины для включения, не включены в этот список.

Исключены из списка обязательства с терминами «Аддис-Абебская программа действий», «финансирование развития», «Повестка дня Африканского союза на период до 2063 г.».

Приложение Г. Исполнение «Группой двадцати» обязательств по развитию и ЦУР

Саммит	Число обязательств по развитию	Уровень исполнения	Число оцененных	Число обязательств по ЦУР	Уровень исполнения	Число оцененных
Вашингтон 2008	4	+0,80 (90%)	1	—	—	—
Лондон 2009	15	+0,15 (58%)	2	—	—	—
Питтсбург 2009	9	+0,10 (55%)	3	—	—	—
Торонто 2010	8	+0,35 (68%)	3	—	—	—
Сеул 2010	22	+0,27 (64%)	20	—	—	—
Каннны 2011	17	+0,33 (67%)	2	—	—	—
Лос-Кабос 2012	10	+0,78 (89%)	3	—	—	—
Санкт-Петербург 2013	50	+0,04 (52%)	4	—	—	—
Брисбен 2014	20	+0,28 (64%)	3	—	—	—
Анталья 2015	34	+0,28 (64%)	3	4	0 (50%)	1
Ханчжоу 2016	20	+0,85 (93%)	1	10	+0,85 (93%)	1
Гамбург 2017	75	+0,34 (67%)	4	203	+0,85 (93%)	2
Буэнос-Айрес 2018	4	+0,45 (73%)	1	2	Н. д.	0
Осака* 2019	24	+0,65 (83%)	2	16	+0,80 (90%)	2
<i>Всего</i>	<i>312</i>	<i>+0,32 (66%)</i>	<i>52</i>	<i>235</i>	<i>+0,63 (82%)</i>	<i>6</i>

Примечания.

Составлено Бриттани Уоррен, 6 октября 2020 г.

На экстренном виртуальном саммите лидеров 2020 г. не было принято обязательств по развитию.

Число обязательств по ЦУР: 60 из этих обязательств являются основными обязательствами в области развития. Остальные относятся к другим ключевым темам, таким как изменение климата, продовольствие и сельское хозяйство. Они были включены, поскольку прямо ссылались либо на ЦУР, Повестку дня на период до 2030 г. или устойчивое развитие, либо появились в документе, посвященном ЦУР (например, в документе «Повестка дня на период до 2030 г.» Гамбургского саммита 2017 г.).

*Оценка для саммита в Осаке 2019 г. является неподтвержденной промежуточной оценкой исполнения (на 6 октября 2020 г.)

н/а – неприменимо.

Список оцененных обязательств в области устойчивого развития:

2015-67: Наши национальные планы стран «Группы двадцати» в области денежных переводов, разработанные в этом году, включают конкретные действия, подтверждающие нашу приверженность к уменьшению средней глобальной стоимости денежных переводов до уровня 5% и намерение соответствовать ЦУР и Аддис-Абебской повестке действий (развитие).

2016-112: Одобряя План действий «Группы двадцати» по реализации Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г., мы подтверждаем нашу приверженность достижению амбициозных целей Повестки 2030 (развитие) +0,85.

2017-81: Мы обязуемся и далее на национальном и международном уровне приводить наши действия в соответствие с Повесткой 2030, в том числе для поддержки развивающихся стран и предоставления общественных благ (развитие) +0,75.

2017-197: Укрепление цифровой и финансовой грамотности и возможностей (развитие) +0,75.

2019-91: [Мы поддерживаем усилия развивающихся стран, нацеленные на успех в достижении прогресса в ЦУР в таких областях, как]...энергетика...[используя для этого все средства, такие как мобилизация ресурсов частного сектора и содействие в укреплении потенциала] (развитие) +0,75 предварительная итоговая.

2019-97: Мы вновь подтверждаем нашу приверженность инвестированию в человеческий капитал ...[как это подчеркивается в Инициативе «Группы двадцати» по инвестированию в человеческий капитал в интересах устойчивого развития] (развитие) +0,85 предварительная итоговая.

Приложение Д. Результаты «Группы двадцати» в сфере борьбы с изменением климата

Саммит	Политическое управление на национальном уровне	Обсуждение	Определение направлений действий	Приятие решений	Исполнение решений		Развитие глобального управления	
					Упоминания	Слова	Обязательства	Внутреннее
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во обща- тельства	Министры и парламентарии	Дипломаты и представители правительств	Министры и парламентарии	Ко-бо- инициаторы
Вашингтон 2008	0	0	64	1,7	0	0	0	0
Лондон 2009	0	0	64	1,0	0	1	0	0
Питтсбург 2009	1	5	911	9,7	0	0	4	0
Торонто 2010	1	5	838	7,4	0	0	1	0
Сеул 2010	2	10	2018	12,7	0	0	2	1
Каннс 2011	2	10	1167	8,2	0	0	0	0
Лос-Кабос 2012	0	0	1160	9,1	0	0	1	0
Санкт-Петербург 2013	1	5	1697	5,9	0	0	1	0
Брисбен 2014	0	0	323	3,5	0	0	0	7
Анталия 2015	0	0	1129	8	0	0	0	3
Ханчжоу 2016*	0	0	1754	11	0	1	0	2

Гамбург 2017	0	0	5255	15	0	0	1	1	22	+0,42 (71%)	23% (5)	0	11	26	9
Буэнос-Айрес 2018	0	0	532	6	0	0	0	0	3	+0,57 (79%)	79% (2)	0	0	3	3
Осака 2019	0	0	2034	31	1	1	0	0	13	+0,78 (89%)	15% (2)	1	1	10	9
<i>Всего</i>	<i>7</i>	<i>n/a</i>	<i>18946</i>	<i>n/a</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>9</i>	<i>5</i>	<i>2</i>	<i>92</i>	<i>n/a</i>	<i>31</i>	<i>15</i>	<i>27</i>	<i>114</i>
<i>Среднее</i>	<i>0,78</i>	<i>4</i>	<i>1353</i>	<i>9,3</i>	<i>0,1</i>	<i>0,1</i>	<i>0,88</i>	<i>0,4</i>	<i>0,1</i>	<i>6,6</i>	<i>+0,47 (74%)</i>	<i>69%</i>	<i>1,1</i>	<i>1,9</i>	<i>8,1</i>
															<i>4,9</i>

Примечания.

«Политическое управление на национальном уровне» включает все явные упоминания полноправных участников саммита, в которых конкретно выражена благодарность в контексте изменения климата со стороны института его конкретному члену. Процент от всех упоминаний указывает, какая доля из двадцати полноправных членов была упомянута.

«Обсуждение» показывает количество упоминаний вопросов изменения климата в документах лидеров «двадцатки» за рассматриваемый год. Единицей анализа является абзац. «Процент слов» – доля от общего количества слов в каждом документе, которые относятся к тематике изменения климата.

В «Определении направлений действий» «приоритетность» относится к числу случаев, когда изменение климата упоминается в прематриале или резюме председателя за рассматриваемый год. Единицей анализа является предложение. Число в скобках относится к упоминаниям вопросов окружающей среды. «Демократия» показывает количество упоминаний демократии в связи с изменением климата. «Права человека» – количество упоминаний прав человека в связи с изменением климата. Единицей анализа является абзац.

«Принятие решений» – общий показатель в сфере изменения климата.

«Реализация решений» – общий показатель исполнения обязательств по изменению климата, оцененных в соответствующий период. «Оцененные, %» – доля оцененных обязательств в общем количестве обязательств в данной сфере. Числа в скобках относятся к обязательствам в сфере энергетики.

В «Развитии глобального управления» «внутреннее» относится к числу упоминаний собственных институтов «двадцатки» в связи с проблемой изменения климата; «министерские встречи и инициативы; «должностные лица» – к группам на официальном уровне; «внешнее» – к количеству внешних многосторонних организаций, связанных с изменением климата. Единицей анализа является предложение.

*Упоминание повестки изменения климата в Коммюнике лидеров «Группы двадцати» по итогам саммита в Ханчжоу 2016 г.: «Мы намерены способствовать развитию инновационной, динамичной, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики, для того чтобы войти в новую эру глобального роста и устойчивого развития, принимая во внимание Повестку в области устойчивого развития на период до 2030 г., Адис-Абебскую Программу действий и Парижское соглашение».

Приложение Е. Результаты «Группы двадцати» в сфере цифровизации

Год	DPM		DEL		DIR				DEC		DEL		DGG		
	Att	CC	Слова		Документы	FS	GFA	DEM	HR	Кол-во обязательств	% от общего	Исполнение	Кол-во оцененных	IN	OUT
			Кол-во	%											
2008В	100	0	88	2	0	1	0	1	0	0	0	n/a	n/a	0	0
2009Л	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	n/a	n/a	0	0
2009П	100	0	289	3,1	0	7	0	2	0	0	0	n/a	n/a	1	1
2010Т	100	0	229	2,1	0	2	0	1	0	0	0	n/a	n/a	0	0
2010С	100	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	n/a	n/a	0	0
2011К	95	0	372	2,6	0	4	0	0	0	1	0,4	—	—	0	7
2012Л-К	95	0	169	1,3	0	2	0	0	0	0	0	n/a	n/a	1	1
2013С-П	95	0	760	2,6	0	0	2	0	0	0	0	n/a	n/a	7	6
2014Б	90	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	n/a	n/a	0	0
2015А	90	0	299	2,2	0	2	1	0	2	1	0	n/a	n/a	0	1
2016Х	95	0	3042	18,8	0	12	35	11	1	29	13,7	+0,14	4	27	32
2017Г	95	0	5029	14,8	0	18	77	8	1	25	4,7	+0,90	1	37	31
2018Б-А	90	0	1420	16,7	0	4	7	0		11	5,3	+0,70	1	3	8
2019О	95	1*	1265	19	1	0	2	n/a	n/a	6	4	+0,10	2	56	54
<i>Всего</i>	<i>1340</i>	<i>0</i>	<i>12962</i>	<i>—</i>	<i>1</i>	<i>52</i>	<i>124</i>	<i>23</i>	<i>4</i>	<i>73</i>	<i>—</i>	<i>—</i>	<i>8</i>	<i>132</i>	<i>141</i>
<i>Среднее</i>	<i>95,7</i>	<i>0,0</i>	<i>925,9</i>	<i>6,1</i>	<i>0,1</i>	<i>3,7</i>	<i>8,9</i>	<i>1,8</i>	<i>0,3</i>	<i>5,2</i>	<i>2,0</i>	<i>+0,46</i>	<i>—</i>	<i>9,4</i>	<i>10,1</i>

Примечания.

DPM: политическое управление на национальном уровне – измеряется количеством присутствующих лидеров (Att) и упоминаний в коммюнике (CC), то есть количеством положительных упоминаний страны или лидера.

DEL: обсуждение – измеряется количеством слов по теме (#), долей (%) слов и количеством документов, посвященных проблеме (Документы)

DIR: определение направлений действий – измеряется количеством упоминаний принципов финансовой стабильности «двадцатки» (FS) и глобализации для всех (GFA), а также на демократических принципах «Группы восьми» (Dem) и прав человека (HR).

DEC: принятие решений – измеряется количеством обязательств и долей в общем числе обязательств (% от общего).

DEL: исполнение решений – измеряется уровнем исполнения приоритетных обязательств (исполнение) и количеством докладов об исполнении (Кол-во оцененных).

DGG: развитие глобального управления – измеряется количеством механизмов управления, разработанных в рамках «Группы двадцати» (IN), и количеством механизмов управления, разработанных за ее пределами (OUT).

Всего: Общая оценка.

n/a = неприменимо; «—» – обязательства не оценивались.

Одно связанное с цифровизацией обязательство по цифровому разрыву было оценено в 2015 г., уровень исполнения составил +0,10. С учетом четырех обязательств, оцененных в 2016 г., уровень исполнения составляет 0 или 50%.

** Упоминание Японии: «Мы разделяем концепцию будущего общества, ориентированного на человека, которое продвигается Японией как Общество 5.0».

н/а – неприменимо.

* DGG: учитываются только декларации лидеров (необходимо добавить другие документы).

Средняя оценка исполнения включает только основные обязательства по цифровизации и исключает связанные обязательства.

Приложение Ж. Обязательства саммита в Эр-Рияде в области развития, климата и цифровизации

Развитие (7)

2020-15: Мы полны решимости реализовать Инициативу о предоставлении отсрочки по обслуживанию долга для стран с низким уровнем дохода (DSSI), включая продление срока ее действия до конца июня 2021 г., что позволит странам, которые подпадают под ее охват, приостановить выплаты по обслуживанию двусторонних государственных долговых обязательств.

2020-16: Мы продолжим тесно координировать процесс ее реализации в целях предоставления всей возможной поддержки странам, подпадающим под охват DSSI.

2020-17: мы утверждаем Общие принципы по урегулированию долга после завершения DSSI.

2020-65: [Мы утверждаем]... Рамочные основы финансирования устойчивого развития.

2020-66: Мы намерены и далее играть ведущую роль в содействии своевременной реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и Аддис-Абебской программы действий.

2020-67: Мы преисполнены решимости оказывать содействие странам Африки в преодолении кризиса, в том числе за счет изучения более устойчивых подходов к финансированию экономического роста в Африке.

2020-68: Мы подчеркиваем нашу неизменную поддержку Инициативы «Группы двадцати» по содействию промышленному развитию в Африке и наименее развитых странах, Партнерства «Группы двадцати» с Африкой, Соглашения с Африкой и других соответствующих инициатив.

Цифровая экономика (3)

2020-49: Мы выступаем за содействие формированию открытой, справедливой и не-дискриминационной среды, а также за защиту и расширение прав и возможностей потребителей при одновременном решении проблем, связанных с обеспечением неприкосновенности частной жизни, защиты данных, защиты прав интеллектуальной собственности и обеспечения безопасности.

2020-50: Мы продолжим поощрять дискуссии всех заинтересованных сторон в целях содействия инновационной деятельности и применению ориентированного на человека подхода к искусственному интеллекту (ИИ) с учетом Примеров мер национальной

политики стран «Группы двадцати» в поддержку Принципов «Группы двадцати» в области развития ИИ.

2020-72: Мы также утверждаем Руководящие принципы высокого уровня «Группы двадцати» по цифровой финансовой доступности для молодежи, женщин, малых и средних предприятий, разработанные Глобальным партнерством по расширению доступа к финансовым услугам (GPFI).

Изменение климата (3)

2020-101: Мы утверждаем Платформу углеродной экономики замкнутого цикла, основанную на принципах 4R (сокращение, повторное использование, переработка и захоронение), признавая особую важность и стремление сократить выбросы при учете параметров эффективности системы и национальных обстоятельств.

2020-102: В преддверии 26-й сессии КС Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН) в Глазго... мы вновь заявляем о нашей поддержке решения насущных проблем в области окружающей среды, таких как изменение климата... при одновременном поощрении экономического роста, энергетической безопасности и всеобщего доступа к энергии, а также защиты окружающей среды.

2020-104: Подписанты Парижского соглашения, подтвердившие на саммите в Осаке свою твердую приверженность его реализации, вновь объявляют о своей приверженности его полному осуществлению на основе общей, но дифференцированной ответственности и соответствующих возможностей с учетом национальных обстоятельств.

Приложение 3. Приоритеты председательства Италии в «Группе двадцати» в 2021 г.

А. Люди (6)

1. Искоренение бедности в соответствии с ЦУР 1
2. Преодоление неравенства
3. Защита наиболее уязвимых: молодых, работников под угрозой, МСП
4. Содействие расширению прав и возможностей женщин
5. Обеспечение всеобщего доступа к образованию
6. Перераспределение возможностей, уменьшение неравенства между регионами

Б. Планета (11)

7. Изменение климата
8. Деградация земель
9. Утрата биоразнообразия
10. Выполнение ЦУР Повестки дня 2030
11. Переход на возобновляемые источники энергии
12. Переход к «зеленому» восстановлению
13. Акцент на современных «умных» городах
14. Новые инструменты устойчивой урбанизации
15. Новые инструменты энергоэффективности

16. Новые инструменты для усовершенствованной современной мобильности
17. Движение к КС 26 РКИК ООН

С. Процветание (13)

18. Возобновление роста
19. Возобновленное процветание
20. Сделать цифровизацию возможностью для всех
21. Сокращение цифрового разрыва
22. Содействие развитию инфраструктуры для обеспечения всеобщего доступа к интернету
23. Достижение адекватной и повсеместной цифровой грамотности
24. Использование всего потенциала технологической революции
25. Повышение эффективности медицинских услуг
25. Содействие обмену данными для обеспечения глобальной готовности к пандемиям
26. Повышение гибкости занятости
27. Перераспределение неоплачиваемой работы по уходу между мужчинами и женщинами
28. Поощрение баланса между работой и личной жизнью мужчин и женщин
29. Повышение эффективности энергораспределительных сетей
30. Расширение охвата образовательной деятельности.

Составлено Дж. Киртоном.

Источник: Веб-страница итальянского председательства в «Группе двадцати».

From Silos to Synergies: G20 Governance of the SDGs, Climate Change & Digitalization¹

J. Kirton, B. Warren

John Kirton — Professor, Co-director of BRICS Research Group, Director of G8 Research Group, Co-director of G20 Research Group, University of Toronto; 100 St. George, M5S 1A1, Toronto, Ontario, Canada; E-mail: john.kirton@utoronto.ca

Brittaney Warren — director of policy analysis and lead researcher on climate change for the G20 Research Group, the G7 Research Group and the BRICS Research Group at Trinity College in the University of Toronto; Room 308N, 1 Devonshire Place, M5S 3K7, Toronto, Ontario, Canada; E-mail: b.warren@mail.utoronto.ca

Abstract

How well and why have Group of 20 (G20) summits advanced Agenda 2030's sustainable development goals (SDGs) in a synergistic way, with climate change and digitization at the core? An answer to this urgent, indeed existential, question comes from a systematic analysis of G20 summit governance of the SDGs, climate change and digitization to assess the ambition and appropriateness of advances within each pillar and the synergistic links among them. This analysis examines G20 governance of the SDGs, sustainable development, climate change and digitization across the major dimensions of performance and evaluates how performance has changed and become synergistic with the advent of the SDGs in 2015 and the shock of the COVID-19 crisis in 2020. The latter has shown the need to prevent global ecological crises and spurred the digitization of the economy, society and health. Yet, G20 summit governance has largely remained in separate silos, doing little to use the digital revolution to address climate change or reach the SDGs. This highlights the need for G20 leaders to forge links at their future summits by mainstreaming the SDGs and mobilizing the digital revolution and climate action for future health and well-being.

Key words: G20; SDGs; climate change; digitization; synergies

For citation: Kirton J., Warren B. (2021). From Silos to Synergies: G20 Governance of the SDGs, Climate Change & Digitalization. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 2, pp. 20–54 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-03

References

Bauer S., Berger A., Iacobuta G. (2020). With or Without You: How the G20 Could Advance Global Action Towards Climate-Friendly Sustainable Development. *Global Solutions Journal*, no 5, pp. 115–22. Available at https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2020/05/GSJ_issue5_NEU.pdf (accessed 15 May 2020).

Bollrich E., Steinhilder J. (2020). Implementing the SDGs: On the Relationship Between Sustainable Development and the Global Commons. *Global Solutions Journal*, no 5, pp. 212–7. Available at https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2020/05/GSJ_issue5_NEU.pdf (accessed 15 May 2020).

Dobson S. (2020). G20 Performance on Development. *G20 Saudi Arabia 2020: The Riyadh Summit* (J. Kirton, M. Koch (eds)). London: GT Media.

Fues T. (2017). Recalibrating the G20's Mission Toward Sustainable Development: Opportunities and Challenges for Germany's Presidency. *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no 2, pp. 34–53. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-02-34>

¹ The editorial board received the article in February 2021.

G20 Development Working Group (n. d.). Guiding Principles for the Development of Science, Technology, and Innovation for SDGs Roadmaps. Available at: https://www.mofa.go.jp/policy/economy/g20_summit/osaka19/pdf/documents/en/annex_12.pdf (accessed 15 May 2021).

Hallink C. (2019). G20 Performance on Development. *G20 Japan: The Osaka Summit* (J. Kirton, M. Koch (eds)). London: GT Media.

International Institute for Sustainable Development (IISD) (2017). Ending Fossil Fuel Production Subsidies Cuts Greenhouse Gas Emissions by 37 Gt over 2017–2050. Press Release, 12 February. Available at: <https://www.iisd.org/articles/ending-fossil-fuel-production-subsidies-cuts-greenhouse-gas-emissions-37-gt-over-2017-2050> (accessed 15 November 2020).

International Institute for Sustainable Development (IISD) (2019). High-Level Political Forum on Sustainable Development: Selected Other Side Events Coverage for 10 July 2019. Earth Negotiations Bulletin. Available at: https://enb.iisd.org/hlpf/2019/side-events/10jul.html?utm_medium=email&utm_campaign=ENB%20Update%20%2010%20July%202019%20SW&utm_content=ENB%20Update%20%2010%20July%202019%20SW+CID_c9416492e87f44e1e9b8f1e49de1b6bf&utm_source=cm&utm_term=Read%20full%20coverage (accessed 15 November 2020).

Kharas H., Strauss S., Schmidt-Traub G., Rodriguez Tornquist R. (2018). Advancing the G20's Commitment to the 2030 Agenda. *Global Solutions Journal*, no 2, pp. 31–7. Available at: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2019/09/GlobalSolutionsJournal_2_E-Reader.pdf (accessed 15 May 2020).

Kirton J. (2019a). The G20's Future. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 2, pp. 31–51. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-02-02>

Kirton J. (2019b). G20 Governance for an Inclusive Liberal Order. *China Journal of International Review*, vol. 1, no 1, pp. 1–21. Available at: <https://doi.org/10.1142/S2630531318500014>.

Kirton J. (2020a). The United States' Cooperative Leadership in G7 and G20 Governance. *SAIS Review of International Affairs*, vol. 40, no 1, pp. 103–16. Available at: <https://doi.org/10.1353/SAIS.2020.0009>.

Kirton J. (2020b). G20 Governance of Globalization. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 2.

Kirton J., Kokotsis E. (2015). *The Global Governance of Climate Change: G7, G20 and UN Leadership*. Farnham: Ashgate.

Kirton J., Larionova M. (eds) (2018). *Accountability for Effectiveness in Global Governance*. New York: Routledge.

Kirton J., Nikolaeva A. (2019). Causes of G20 Compliance: Institutionalization, Hegemony, Reciprocity or Clubs. *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 2, pp. 80–108. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-02-04>

Kirton J., Warren B. (2018). G20 Governance of Digitalization. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 2, pp. 16–40. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-02>.

Kirton J., Warren B. (2020). A Fragile First Step? G7 and G20 Governance of Climate Change, the Environment, Health and Indigenous Peoples. Paper prepared for the Annual Convention of the International Studies Association, Honolulu, 25–29 March. Available at <https://www.g8.utoronto.ca/scholar/kirton-warren-isa-2020.pdf> (accessed 15 May 2021).

Kirton J., Warren B. (2021). Engagement Groups Recommendations Realized in G20 Summits. *Global Solutions Journal*, no 6, pp. 29–36. Available at: https://www.global-solutions-initiative.org/210114_GS_journal_6.pdf (accessed 15 May 2021).

Larionova M., Kirton K. (2020). Global Governance After the COVID-19 Crisis. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 2, pp. 7–23. Available at: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-01>

Lefton R., Light A., Weiss D. (2009). Lessons Learned From Copenhagen. Center for American Progress, 22 December. Available at: <https://www.americanprogress.org/issues/green/news/2009/12/22/7011/lessons-learned-from-copenhagen/> (accessed 15 November 2020).

Li X., Zhou T. (2016). Achieving the Sustainable Development Goals: The Role for the G20 From China's Perspective. *China and World Economy*, vol. 24, no 4, pp. 55–72. Available at: <https://doi.org/10.1111/cwe.12167>

Lustig N. (2018). The Sustainable Development Goals, Domestic Resource Mobilization and the Poor. *Global Solutions Journal*, no 2, pp. 190–7.

Ordonez A., Scholz I., Murillo F., Sharma G., Tanaka K., Yamada K., Hege E., Cavalli L. (2020). Improving the G20's Co-ordination of the Delivery and Monitoring of the 2030 Agenda. *Global Solutions Journal*, no 2, pp. 38–46. Available at: https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2019/09/Global-SolutionsJournal_2_E-Reader.pdf (accessed 15 May 2020).

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2020). Smart Cities and Inclusive Growth. Available at: https://www.oecd.org/cfe/cities/OECD_Policy_Paper_Smart_Cities_and_Inclusive_Growth.pdf (accessed 15 May 2021).

Rapson J., Kirton J. (2020). Raising Compliance with G20 Commitments: Two Evidence Based Instruments. *Global Solutions Journal*, no 5, pp. 224–33. Available at https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2020/05/GSJ_issue5_NEU.pdf (accessed 15 May 2020).

Steiner A. (2020). A Critical Moment. *Saudi Arabia 2020: The Riyadh Summit* (J. Kirton, M. Koch (eds)). London: GT Media.

Warren B. (2020a). G20 Governance of Climate Change Through Nature-Based Solutions. *Global Solutions Journal*, no 5, pp. 135–45. Available at https://www.global-solutions-initiative.org/wp-content/uploads/2020/05/GSJ_issue5_NEU.pdf (accessed 15 May 2020).

Warren B. (2020b). G20 Performance on Climate Change. *Saudi Arabia 2020: The Riyadh Summit* (J. Kirton, M. Koch (eds)). London: GT Media.

Williams M. (2019). G20 Performance on the Digital Economy. *Saudi Arabia 2020: The Riyadh Summit* (J. Kirton, M. Koch (eds)). London: GT Media.